

зустрічаються комиші, степова трава, ковила, сіно, жито, просо, лікарські рослини. Декілька разів у творі використано родову назву – стадо, птахи, зілля, трава.

Отже, природа в історичній п'єсі Г. Хоткевича «О полку Ігоревім» змальована не мертвою і статичною, а передана в динаміці, гомоні, шумі – у звукових та зорових образах, що сприяє яскравішій передачі внутрішнього ества персонажів.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Пінчук С. Слово о полку Ігоревім. – К.: Рад. школа, 1990. – 176 с.
2. Хоткевич Г. О полку Ігоревім. – Х.: Рух, 1926. – 70 с.
3. Славний ватажок опришків (народ про Довбуша). – К., 1994. – 350 с.
4. Лихачев Д. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – Л.: Худ. литература, 1985. – 230 с.

Надійшла до редакції 6 червня 2006 р.

М. АРЦЫБАШЕВ И ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

И.Р. Жиленко

В статье освещаются философско-эстетические поиски М. Арцыбашева, особое влияние на творчество которого оказали идеи Ф. Ницше и русских писателей Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова.

Конец XIX – начало XX веков – один из самых сложных периодов в истории русской литературы, который характеризуется небывалой активностью идейно-эстетических исканий, пестротой и противоречивостью литературной жизни, постановкой острых философских, социально-политических и нравственно-этических проблем. Все смешалось в это время: русская классика XIX века с модернистским новаторством, религиозно-националистические идеи с дарвинизмом и марксизмом, христианские представления о человеке с ницшеанством и фрейдизмом. И все-таки это сложное и бурное время по праву называют «серебряным веком» – своего рода эпохой возрождения, последовавшей спустя столетие после «золотого века», связанного с именем А.С. Пушкина. Глубокую характеристику эпохи «серебряного века» дал Н.А. Бердяев, писавший о том, что на рубеже столетий «было опьянение творческим подъемом, новизна, напряженность, борьба, вызов». По его словам, это была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвет поэзии и обострение эстетической чувственности, религиозного беспокойства и искания, интереса к мистике и оккультизму [1, с. 124].

Страна как бы замерла в страхе перед неведомым завтрашним днем, но одновременно смотрела в будущее с надеждой. Это противоречие отразилось на мировоззрении философов, поэтов, художников, композиторов, театральных деятелей и нашло отражение во всех видах искусства, особенно в литературе.

Это было время обострения социальных противоречий, всплеска массовых движений, решения судьбоносных для России проблем. Важнейшим социально-политическим событием этого времени явилась революция 1905 года, которая привела к резкому идейному размежеванию философов, социологов и писателей. Наиболее важные проблемы, вокруг которых шли острые споры, – пути развития России, человек и общество, классовая борьба, половой вопрос, проблема женской эмансипации и некоторые другие.

Наиболее радикальную позицию в общественной борьбе занимали народники, лидерами которых были Н.К. Михайловский, С. Н. Кривенко. Отказавшись от революционных идей преобразования общества, они создали концепцию особого, некапиталистического пути развития России. Придавая преимущественное значение исторически сложившемуся укладу русской жизни, они возлагали надежды на институт общины как на инструмент, позволяющий избежать капиталистического пути, а в идеале – создать совершенное социалистическое общество.

Большое влияние на социально-политическую жизнь России оказывали идеи К. Маркса, активными популяризаторами которых были Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, Н.А. Бердяев, П.Б. Струве, С. Л. Франк и другие. На начальном этапе марксисты были единодушны в критике народничества, но позже раскололись на большевиков и меньшевиков. Большевики были радикальнее, они ориентировались на революцию, полагая, что Россия давно вступила на капиталистический путь развития, что социалистическую революцию осуществит пролетариат под руководством партии.

Значительная часть интеллигенции: литераторы, политики – отказалась от революционных идей и методов борьбы за демократию. Наиболее ярким свидетельством этих настроений явился сборник статей под названием «Вехи» (1909), основными мотивами которого были признание ошибочности революционно-демократического движения, поиск морально-этических ценностей, способных сблизить «мыслящий слой» с историческими традициями русского народа. Авторы статей – Н.А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П.Б. Струве и другие – сосредоточили свое внимание на морально-нравственных и религиозно-философских идеях, далеких от революции [2].

Для «почвенников» (В.В. Розанов, Н.Н. Страхова и их единомышленников) ключевой была идея «национальной почвы» как основы социального и духовного обновления России. В журналах «Время» и «Эпоха» они проповедовали сближение образованного общества с народом («почвой») на религиозно-этической основе.

Широкую популярность в эти годы приобрели религиозно-философские теории В.В. Соловьева, С. Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского. В центре их внимания были такие проблемы, как природа человека, его свобода, смерть и бессмертие, гуманизм и его кризис, смысл человеческой истории. Центральной фигурой всей русской религиозной философии был В.С. Соловьев, который стремился философию, науку, этику подчинить религии и предложил свою концепцию мироустройства, ориентированную на человека и христианские ценности.

В целом русская философия XIX – начала XX веков явилась отражением исканий исторического пути развития России. В противоборстве идей славянофилов и западников в конечном итоге победила западная ориентация, трансформировавшаяся на русской почве в теорию марксизма-ленинизма.

В этот период возникают новые литературные течения: символизм, импрессионизм, акмеизм, футуризм и другие, которые современные литературоведы относят к модернизму.

Однако ведущим направлением в литературе остается реализм. Огромным было влияние на читательскую публику А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А. П. Чехова. Продолжателями их традиций выступали М. Горький, А.И. Куприн, И.А. Бунин, Л.Н. Андреев, А.Н. Толстой, А.С.

Серафимович и другие писатели, чьи произведения внушали веру в силу народа и духовное здоровье нации, мечту о социальной справедливости, о

торжестве нравственных идеалов. К реалистическому направлению примкнул и молодой М. П. Арцыбашев.

Одним из важнейших вопросов, вокруг которого шли острые споры в литературе на стыке XIX – начала XX веков, был вопрос о человеке, о смысле его жизни и предназначении в мире. «Властителем дум» значительной части русской интеллигенции этого периода был немецкий философ Ф. Ницше (1844–1900), имя которого приобрело популярность в конце XIX века, особенно после выхода на русском языке в 1900 году первого собрания его сочинений. В России восприятие идей Ницше не было однозначным, поскольку сама его философия была противоречива. Главная проблема для человека, по Ницше, – проблема самопознания и поиск цели жизни. Философ утверждал, что человек только тогда сможет стать человеком, когда преодолет себя, рабскую природную сущность и станет сверхчеловеком [3, с. 207].

В. Соловьев, первым в русской философии поставивший проблему сверхчеловека в рамках религиозного и национального сознания, считал, что мысль о сверхчеловеке относится к числу наиболее интересных идей, завладевших умами нового поколения. Тема «ницшеанства» красной нитью проходит сквозь творчество почти всех деятелей культуры и искусства того времени. «Вольно или невольно, но русские читатели вписывали в богатую русскую литературу философскую традицию морального бунта» [4, с. 6].

Интерес к идеям Ницше в России проявляли Л. Толстой, М. Горький, А. Блок, К. Бальмонт, Д. Мережковский, З. Гиппиус, В. Брюсов и другие. Заметно влияние Ницше в произведениях Горького «Человек», «На дне», «Песня о Буревестнике».

Современные историки литературы, анализируя литературный процесс на рубеже XX в., традиционно ставят имена Ф. Ницше и М. Арцыбашева рядом. И это не случайно. Арцыбашев был одним из первых писателей в русской литературе, кто наиболее полно воплотил концепцию «сверхчеловека» Ницше в художественном образе. Русский писатель действительно испытывал влияние немецкого философа. По нашему глубокому убеждению, идеи Ницше были так популярны, очевидно, потому, что отвечали определенным духовным запросам времени, они были востребованы им. Ницше объявил войну христианской религии, унижающей человека, обрекающей его на рабское терпение. Он создал свою, новую этику и мораль, мораль сильных, противостоящую «морали рабов», основанной на примирении и даже идеализации страдания. В связи с изучением литературного творчества Арцыбашева заслуживают внимания два аспекта его этики: жесткая критика христианства и отвращение к женщине, нашедшие отражение в романе Арцыбашева «Санин».

Современная философская мысль России и Украины преодолела резко отрицательное отношение к теории Ницше, господствовавшее в советское время. Наиболее заметный след в отечественной ницшеане оставили, в частности, работы И. Ярославцевой, К. Свасьяна, Р. Данилевского, А. Михайлова, Ю. Синеокой, И. Бычко, А. Чунаевой, А. Лавровой, Н. Емельяновой, занимающихся вопросами «возвращения» Ф. Ницше и его философии.

Под влиянием идей Леопольда Захер-Мазоха (1836–1895), Отто Вейнингера (1880–1903) и Зигмунда Фрейда (1856–1939) в центре острых дискуссий в Западной Европе и в России оказался также «половой вопрос». Захер-Мазох говорит о смысле любви в свете физических и моральных страданий. Любовь трактуется им в традиционно шопенгауэровском духе как соревнование, война полов, неизменно завершающаяся, по крайней мере для мужчины, поражением и физической гибелью, принципиальным отказом от эротики,

превращением ее в садизм. Вейнингер в своей книге «Пол и характер», обобщая значительный естественнонаучный и психологический материал, освещает биологический аспект половых отношений. Фрейд доказывает решающее влияние на поведение и творческую деятельность человека либидо – сексуального влечения.

Проблема пола была настолько актуальной, что появились специальные периодические издания, выпускавшиеся большими тиражами. Выходившая в 1908 году в Москве газета «Мужчина и женщина» намеревалась с помощью литературных и научно-популярных произведений осветить самые острые вопросы в области половой и семейной жизни с точки зрения современной психологии, философии, этики, религии, права, естествознания и гигиены, обещая быть равно далекой «и от порнографии, и от узкой мещанской морали» и «содействовать пробуждению <...> нравственной красоты» [5]. Журнал «Вопросы пола» (1908) открывал свои страницы самым разнообразным точкам зрения, самым противоречивым суждениям по вопросам пола. Журнал-библиотека «Для взрослых», выходивший в 1907 году, по словам редакции, стремился «исчерпать половой вопрос не только со стороны истории его развития, но и в связи с огромной ролью его в общественной жизни и разнообразными мерами, имеющими назначение бороться с отрицательными его сторонами» [5]. Наиболее откровенные издания – «Флирт», «Натурщица» – даже не стремились прикрываться «научностью» и подчеркивали развлекательный характер своих публикаций.

Любая книга, затрагивающая тему пола, сразу же вызвала острые споры. Отсюда популярность М. Арцыбашева, А. Каменского, А. Вербицкой, М. Кузмина, которые проповедовали «свободу пола», идеализировали «сверхчеловека», избавившегося от морально-нравственных норм. Взбудораженное общество было захвачено спорами по поводу сексуального «декаданса»; в прессе и популярных брошюрах постоянно обсуждались нюансы «товарищеских» союзов, пропагандировались свободная любовь и неразборчивость интимных связей. Волна самоубийств, прокатившаяся по России в 1907–1908 годах, дала основание публицистам назвать повышенную чувственность и суицид формами саморазрушения, рожденными общественным пессимизмом, связанным с недавним поражением революции и репрессиями. Среди русских социалистов дебаты на сексуальные темы были особенно болезненными и противоречивыми. Так, возражая сторонникам «свободы чувств», Г. Д. Гловели, Г. С. Синельникова в статье «Организация образов» указывали, что социализм «начертал на своих знаменах лозунг высокоморального поведения, с одной стороны, и личной свободы – с другой» [6].

Одной из важных проблем, занимавших философов и писателей, была также проблема смерти. Большую популярность приобрели идеи европейских мыслителей и писателей С. Кьеркегора, А. Шопенгауэра, Б. Паскаля, М. Метерлинка и других. Последний утверждал, что наша смерть руководит нашей жизнью и наша жизнь не имеет иной цели, чем наша смерть. Подобные мысли встречаем и у Арцыбашева в «Записках писателя»: «Когда человек одурманен криком и движением, ослеплен сверканием огней и красных флагов, оглушен залпами, взрывами и грохотом большого, напряженного созидательного труда, он не задумывается над истинным смыслом жизни, не видит ее черной пустоты и не отдает себе отчета в том, для чего все это и чем все кончится. А когда наступают гробовая тишина и темнота, из мрака выступает пустой череп бессмыслия, и ясно слышен голос смерти, говорящий, что все проходит и во тьму уходит» [7, с. 737].

«У всіх видатних декадентських поетів, як-от у д'Аннуціо, Оскара Уайльда, в Арцибашева, – писав в статтю «Декадентська література»

И.С. Нечуй-Левицкий, – в програмі стоять три ґрунтових принципи: Любов, Краса і Смерть...» [8, с. 219].

Заметное влияние на философские поиски писателей, в том числе и на Арцыбашева, оказала теория Ч. Дарвина (1809–1882), согласно которой главный закон жизни – борьба за существование, борьба сильных со слабыми, где побежденные обречены на погибель, а победители торжествуют.

Как писатель, М.П. Арцыбашев отличался стремлением философски осмыслить происходящие в мире процессы и положение в нем человека. Он проявлял повышенный интерес к философским теориям конца XIX века о сущности и предназначении человека, отрицавших аскетические и утопические идеи его бытия.

«Я человек жизни, – писал он, – и только жизни, земной, человеческой, без всякого устремления к жизни под землей. Оттого я и не сделался «литератором», оттого я и занимаюсь литературой» [9, с. 369].

В стремлении познать сущность человека и жизни Арцыбашев обращается ко многим мыслителям и писателям. В своем творчестве он ссылается на Сократа, Б. Спинозу, Ч. Дарвина, К. Маркса, Ф. Ницше, Л. Захер-Мазоха, З. Фрейда, Ф. Достоевского, И. Тургенева, А. Чехова, Э. Золя, Л. Синклера и других. Арцыбашев писал, что завидует Будде, Христу, Сократу, И. Ньютону, Л. Толстому, В. Шекспиру и многим другим. «И дай Бог, чтобы у всех была такая зависть, чтобы все добивались от своей жизни такого же значения и такой же силы, какие были у этих великанов человечества...» [7, с. 710].

Л. Толстой в жизни Арцыбашева сыграл слишком большую роль, он стал выше всех современников, приблизившись к Христу и Будде. Арцыбашев писал, что в начале своего творческого пути в качестве «образца» он выбрал именно Л. Толстого как единственного учителя и начал с прямого подражания ему, пока не определился его собственный путь [7, с. 706]. Арцыбашев называл себя последователем Л. Толстого в служении правде и чуть ли не единственным литератором, который «не послужил иному богу, кроме правды» [10, с. 114]. Он писал: «Бог дал мне величайшее несчастье, какое может выпасть на долю писателю, – быть искренним» [7, с. 701].

В то же время писатель считает для себя важным не преклоняться ни перед кем. Арцыбашев утверждает, что, как бы ни был мал по сравнению с Л. Толстым, он прежде всего – человек и во имя человеческого достоинства не может «пасть ниц и елейно холопствовать даже и перед великим из великих» [9, с. 360].

Кроме Л. Толстого, на М. Арцыбашева заметное влияние оказали Ф. Достоевский и А. Чехов. Черты их стиля и проблематики чувствуются в ранних произведениях писателя. О Чехове Арцыбашев говорит с нескрываемой любовью, называя его Человеком, при жизни которого у всех возбуждается желание войти с ним в общение, а после смерти является потребность «тихо и вдумчиво говорить о нем» [7, с. 676]. Рассказы «Подпрапорщик Гололобов» и «Смех» (1902) отдаленно напоминали «Бесов» Достоевского и «Палату № 6» Чехова, которые, по словам Арцыбашева, содержали его философию бессмысленности жизни перед «черной дырой» смерти.

В рассказе «Паша Туманов» (1903) директор гимназии свои человеческие качества должен запрягать поглубже, и поэтому при исполнении служебных обязанностей кажется похожим на чеховского «человека в футляре». Что касается позиции «служения правде», то этим рассказом Арцыбашев «дал заслуженную хлесткую пощечину» укладу школы [11, с. 9]. В рассказе «Жена», похожем на чеховского «Учителя словесности», Арцыбашев, показав семейную жизнь художника, впервые обнаружил силу индивидуального «я». В «Смерти Ланде» (1904) писатель

изобразил главного героя, христианина по природе, в облике которого сочетаются и черты князя Мышкина из «Идиота» Достоевского, типичного «толстовца», и самого писателя в пору юношеского исповедания веры Толстого. Повесть «Тени утра» (1905) по фабуле близка чеховской «Невесте».

Если в ранний период творчества Арцыбашев еще находился под влиянием христианства, то уже в «Санине» (1907) заметно воздействие философии Ницше, который заявил, что Бог умер, и на его место возвел сверхчеловека. Таким сверхчеловеком критики признали Санина, который проповедует новую мораль и объявляет о всеобщей переоценке ценностей. Арцыбашев пишет: «Наше определение Бога всегда будет идолопоклонничеством». Поэтому в уста главного героя писатель вкладывает слова о пагубном влиянии христианства на человека, сделавшего его рабом, и вслед за Ницше выступает критиком христианства: «Да, христианство сыграло скверную роль, и имя Христа еще долго будет проклятием на человечестве!» – заявляет Санин [12, с. 78, 148].

Главными мотивами творчества Арцыбашева с этого времени становятся проповедь анархического индивидуализма, призыв к свободе от социальных обязанностей во имя эгоистического пользования жизнью, культ эротических наслаждений. Находясь на позициях крайнего индивидуализма, Арцыбашев отмечает, что дороже всего ему собственное место, подчеркивая, что свет велик достаточно, чтобы один человек не мешал другому сделать то, что он хочет и может. «Манифест» его индивидуализма очень созвучен ницшеанскому. Арцыбашев ратует за то, чтобы каждый человек стремился быть господином жизни и не удовлетворялся скромной частью раба. «Что нам до того, – писал он, – что когда-то какой-то блаженный Иван Иванович будет ходить в голубых одеждах и обмахиваться пальмовой веткой всеобщего благополучия? ...Да будь он проклят, этот счастливый человек будущего!» [7, с. 723].

Подобно Ницше Арцыбашев часто обращается к Библии для придания взглядам героя большей убедительности. Он дословно цитирует слова из «Екклесиаста» – крайне пессимистичной части Ветхого завета, используя их в качестве эпиграфа к роману «Санин»: «Только это нашел я, что Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы» [13, с. 671]. В Библии сказано: «Нет лучшего для человека под солнцем, чем есть, пить и веселиться», «...наслаждайся жизнью» [13, с. 672]; Арцыбашев: «...в наслаждениях и есть цель жизни», «Люди постоянно ограждают себя от счастья китайской стеной» [12, с. 23, 47]. Библия: «...они сами по себе – животные» [13, с. 668]; Арцыбашев: «И сколько может быть зол и глуп человек», «Он (Санин. – И. Ж.) знал этих людей, живущих, как скоты» [12, с. 188, 272]. Как видно, Арцыбашев акцентирует свое внимание на тех идеях священного писания, которые соответствуют его нигилистическим взглядам.

В отношении к женщине Арцыбашев стоит, можно сказать, на библейской позиции, согласно которой женщина – «сосуд дьявола». Он пишет, что «невысоко ставит женщину вообще», и обвиняет ее в том, что «она пошла навстречу самым грубым требованиям мужской чувственности, в силу своего духовного бессилия стала рабой, а из трусости и протеста стала рабой жестокой, злой и лживой» [9, с. 362–364]. Екклесиаст говорит: «И нашел я, что горче смерти – женщина...» [13, с. 671].

Еще в статье «О смерти Чехова» (1906) Арцыбашев писал о трагической роли человека, которого «обряжали в плащ индивидуализма, надевали хитон христианина, совали ему в руку красный флаг товарища, пускали голяком анархистом на оголенной земле, а он, одетый и голый,

равно упорно оказывался если не зверь зверем, то свинья свиньей» [7, с. 676]. Писатель рассуждает о жалкой роли человека и в статье «О Толстом» (1908). Ему страшно и стыдно за человека, больно за ту «жалкую роль слепого щенка, которую всучила ему природа и которую в смешной гордости своей он пытается воздвигнуть в цари и перлы мироздания» [7, с. 693]. Арцыбашев полемизирует с Горьким, имея в виду его слова о том, что человек звучит гордо. Из миллионов обычных людей, замечает он, пытались «вылепить величественный образ человека», однако несмотря на потраченные усилия, «величественный образ не вытанцовывался» [7, с. 675]. В сборнике рассказов «Вечный мираж» он выразил мысль, что «человек» не «звучит гордо», как провозгласил М. Горький, нет, «человек» звучит очень жалобно и жалко» [14, с. 59].

В. Красовский справедливо писал о том, что Арцыбашев противопоставил Горькому «упрощение личности, низведение ее до элементарного биологического существа, главными событиями в жизни которого могут быть только чувство физического удовольствия и смерть» [15, с. 66].

В очерке «Война» (1917) Арцыбашев проводит мысль о том, что «человек – двойственное существо» [16, с. 3]. Писатель считает, что у человека есть два пути: один – путь догадок, предположений, остроумной выдумки, другой – путь наблюдения над фактом в пределах нашего сознания, путь изучения, опыта. По первому пути идут трусы и создатели религий, которых он сравнивает со страусами, прячущими голову под крыло, чтобы не видеть ужасающей пустоты. Другим путем, по его мнению, движутся смелые люди, не боящиеся взглянуть правде в глаза [7, с. 695].

Не признавая никаких кумиров, богов, выступая против любой из существующих религий, Арцыбашев незадолго до революции 1917 года пишет о том, что «колокольный звон Горького, как всякий колокольный звон, говорит только о новой религии, такой же фальшивой, как все религии» [9, с. 360].

Мир, в котором живет человек, основан, по его словам, на взаимоистреблении всего живущего, и «единственный закон вечен и общ – закон борьбы за существование, <...> нельзя двигаться иначе как в плоскости его» [7, с. 691].

Писатель считает, что человек роковым образом подчинен этому всеобщему закону «вечного искания, вечного томления духа человеческого». Учение Ч. Дарвина он соединяет с идеями Фрейда, утверждая, что «человек живет в постоянной борьбе разума с инстинктом» [16, с. 4].

В мировоззрении Арцыбашева особое место занимает проблема жизни и смерти. П. Пильский вспоминал, что молодого Арцыбашева преследовал «неуходящий призрак смерти» [17, с. 770]. «Тяжелый недуг ни на минуту не давал ему покоя, – писал Д. Философов. – Сколько раз Арцыбашев, как бы извиняясь за недостаток своей работоспособности, говорил: «Поймите, ведь мне все время приходится бороться со смертью!» [18, с. 776].

Человек, по его мнению, может жить только тогда, когда сам процесс жизни ему приятен или жизнь его осмысленна, наполнена чем-нибудь. «...Жить надо тому, кто в самом факте жизни видит радость, а тем, кто не видит в ней ничего, тем и в самом деле лучше умереть» [7, с. 744]. Арцыбашев утверждал, что «там, под звездами, нет никого и ничего», «жизнь бессмысленна, но и смерть не лучше» [19].

По мнению исследователей, стройной идейной концепции у писателя не сложилось. Арцыбашев стоял особняком в среде литературных

современников, не примыкая ни к одному из направлений прежде всего потому, что для него была важнее всего свобода, о чем он неоднократно писал. В одном из его писем есть такие строки: «Чем же и для чего мне жить, если я писать перестану?» [9, с. 368]. Творчество для него – это необходимое условие жизни. Свою задачу как писателя он видел в том, чтобы «вскрывать язвы жизни», «бить пошлость и глупость, чтобы стало светлее и теплее жить» [7, с. 733].

Арцыбашева возмущает раболепие, чинопоклонство некоторых русских писателей: «...нигде, во всей мировой литературе, не было такого поэтизированного рабской преданности...» [7, с. 714]. Он обличает «литературное холопство» тех, кто не понимает ценности «сердца человеческого», а видит «только ордена, висящие на груди против того места, где бьется это сердце» [7, с. 715]. Его мысли о «рабски трусливом и темном народе», «деспотизме и рабстве», которые стали обычными формами политической жизни, «дрожащем и покорном обывателе» и литературе, которая «гнула шею то перед мужиком, то перед Западом», актуальны и сегодня. О себе Арцыбашев говорит, что не имеет двух языков – для гостини и передней, для барина и своего брата, мелкой сошки. «Если язык мой груб и резок, – пишет он, – то все же этим языком я равно буду говорить и о царе и о последнем нищем» [7, с. 707].

Арцыбашев не примыкал ни к одной из существовавших политических партий. Он утверждал: «Мне лично нет никакого дела до социализма», при этом подчеркивал, что если бы сейчас социализм воцарился на земле, он «первым бы поднял знамя революции и воззвал бы к монархии» [9, с. 360 – 361]. Д. Философов вспоминает, что Арцыбашев говорил: «Я не правый, не левый, не монархист, не республиканец, я просто русский человек, любящий Родину» [18, с. 778].

Многочисленные статьи Арцыбашева красноречиво свидетельствуют о глубоком патриотическом чувстве автора. В годы революции писатель призывал к борьбе: «...не хотите гибели России?.. Так боритесь же, защищайтесь, а не хнычьте от страха...» [20, с. 8]. Он призывает соотечественников быть решительными, твердыми: «...тушить пожары, оставляя безнаказанными заведомых поджигателей, – это бессмыслица и преступление» [20, с. 16].

Противник революционного насилия в принципе, Арцыбашев сопоставляет происшедшее в России с революцией XIX века во Франции и замечает с горечью, что «во французской революции было безумие, но не было глупости» [20, с. 11]. Гнев и возмущение вызвало у Арцыбашева сообщение об убийстве большевиками царской семьи, которое он рассматривает как «самое подлое и гнусное деяние большевиков», «трусливый и темный заговор». Проводя параллель между казнью Людовика XVI, которая легла «грязным пятном на деятели французской революции», он не скупится в подборе гневных слов, осуждающих злодеяние большевиков: «кровавый акт», «трусливая подлость», «подлый страх» и др. Французские революционеры, подчеркивает он, «судили короля при свете дня и казнили его перед лицом народа, а большевики совершили трусливый и подлый заговор: «вместо поименного голосования – обмен шифрованными телеграммами; вместо зала народного собрания – высокий забор вокруг места убийства, вместо эшафота на площади России – подвал в доме Ипатьева». Вместе с тем Арцыбашев отмечает, что нельзя переложить всю ответственность за содеянное только на большевиков, что участь Николая I была предрешена «предательством одних, революционным ослеплением других, изменой третьих, трусостью четвертых и безмолвием пятых...». «Решительно никто не хотел казни «тирана», – утверждает он, – но никто и не осмеливался поднять свой голос в его защиту» [21].

Таким образом, философская и эстетическая мысль России в начале XX века, развиваясь, синтезировала основные теории западных мыслителей, вместе с тем она вырабатывала концепции, отражающие особенности социально-исторических и духовных основ национальной жизни.

Социально-философские позиции Арцыбашева выглядят довольно противоречивыми и эклектичными. Писатель, как нам представляется, увлекаясь различными философскими теориями о сущности бытия – начиная от Библии и заканчивая русскими социалистами – не смог соединить пестроту идей в единую систему. В его философских воззрениях ощущается влияние идей Ч. Дарвина, Ф. Ницше, К. Маркса, З. Фрейда и других мыслителей, крайний индивидуализм и аполитичность сочетаются с пристрастной оценкой происходящих в стране событий и ярко выраженным патриотическим чувством. Последнее обстоятельство побуждает к пересмотру резко отрицательной оценки его мировоззрения, сложившейся в советском литературоведении.

SUMMARY

Philosophic-aesthetic researches of M. Artsybashev are examined in the article. The author was especially influenced by the ideas of Nietsche and Russian writers L.Tolstoy, F.Dostoyevskiy and A. Tschekhov.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии.–М.: Мысль, 1990.–220 с.
2. Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции; Из глубины: Сборник статей о русской революции. – М.: Правда, 1991. – 607 с.
3. Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – 830 с.
4. Ключ Э. Ницше в России. Революция морального сознания /Пер. с англ. Л. В. Харченко. – СПб.: Академический проект, 1999. – 240 с.
5. Лярский А. Эротическая пресса начала XX века //Родина. – 2003. – №23–24 (2902–2903). – 6 февраля. – С. 14–17.
6. Гловели Г. Д., Синельникова Г. С. Организация образов. Отблески «Красной звезды» в советологии [Электрон. ресурс].–Режим доступа: <http://www.bogdinst.ru/HTML/Resources/Bulletin/9/Gloveli.htm>.
7. Арцыбашев М. П. Записки писателя // Арцыбашев М. П. Собр. соч.: В 3 т. – М., 1994.– Т. 3. – С. 675–760.
8. Нечуй-Левицький І.С. Українська декадентщина // Нечуй-Левицький І.С. Збір. Творів: У 10 т. – К., 1968. – Т.10. – С. 187–222.
9. Аспиз Е. М. Воспоминания о М. П. Арцыбашеве. Письма М. П. Арцыбашева //Вопросы литературы. – 1991. – № 11–12. – С. 354–371.
10. Лепехин М.П., Чанцев А.В. Арцыбашев Михаил Петрович // Русские писатели 1800–1917: биографический словарь / Под ред. П. Николаева.– Т.1. – М.: Советская энциклопедия, 1989.– С. 113–115.
11. Баранов И. П. М.Арцыбашев как художник-психолог и импрессионист и как певец смерти старого и жизни нового человека. – М., 1908. – 75 с.
12. Арцыбашев М. П. Санин; Кровавое пятно; Рабочий Шевырев; Деревянный чурбан. – Кемерово: Кемеровское кн. издат., 1990. – 414 с.
13. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. – USA: Софт лайн, 1989. – 925 с.
14. Ревакина А. А. Арцыбашев Михаил Петрович // Писатели русского зарубежья (1914–1940): Справочник. – Т.1./ Сост. Николукина и др. – М.,1994. – С. 56–62.
15. Красовский В. Е. От неонатURALИзма к декаданству (О неонатURALИзме 1900-х годов) //Из истории русской литературы конца XIX – начала XX века. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 1988. – С. 61–77.
16. Арцыбашев М. Война //Арцыбашев М. П. Записки писателя.–М.: «Свобода», 1917.– С. 1–16.
17. Пильский П. М.Арцыбашев // Арцыбашев М. С. Собр. соч.: В 3 т. – Т.3. – М., 1994. – С. 768–772.
18. Философов Д. В. Речь, произнесенная 7 мая 1927 года на вечере памяти М. П. Арцыбашева //Арцыбашев М. П. Собр. соч.: В 3 т.– М.,1994.– Т.3.– С. 773–779.
19. ОР ИРЛИ, ф.1, оп.1, ед. хр. 58.
20. Арцыбашев М. Трусы. Под знаком глупости и безволия //Арцыбашев М. П. Записки писателя. – М.: «Свобода», 1917. – С. 1–16.
21. Арцыбашев М. Черемуха: Записки писателя. – Варшава, 1927. – 79 с.

Надійшла до редакції 6 червня 2006 р.